

2. Наша работа основывается, во-первых, на «филологическом» подходе в изучении художественных текстов (достижения Тартуской школы текстологии), а во-вторых, мы используем идеи и методы исследования ХКМ и ТПП, появившиеся в науке в последние годы. Наша работа предполагает анализ данной проблемы в следующих аспектах: — текстологическом; — антропологическом; — историко-литературном; — биографическом и др.

3. В процессе анализа нами установлено следующее:

а) существует явная взаимосвязь ХКМ и определенной модели ТПП имажиниста, а также конкретные «реализации» такой модели, например ТПП А. Мариенгофа и С. Есенина можно рассматривать как различные варианты ТПП-имажиниста с набором своих, присущих только данному ТПП дифференциальных и общих (категориальных) признаков;

б) ТПП С. Есенина является своеобразным ключом к глубинной интерпретации не только фактов биографии поэта, но и собственно специфики и развития его творчества;

в) ХКМ и ТПП С. Есенина не вмещаются в рамки ХКМ и ТПП-имажиниста и приближаются по «набору» категориальных признаков к модели ХКМ и ТПП русского поэта вообще (ср.: ТПП Ап. Григорьева, С. Есенина и нашего современника Н. Рубцова).

4. ТПП — категория текстовая и нетекстовая, в этом ее основная сложность. Однако именно такая специфика категории ТПП и ее взаимосвязь с категорией ХКМ, на наш взгляд, и вынуждает исследователя учитывать полный комплекс аспектов и проблем, сопутствующих созданию художественного текста, в ходе объективного изучения и исследования русской поэзии.

Н. М. Мухина

Уральский государственный университет

**«КОСМИЧЕСКОЕ» И «ИСТОРИЧЕСКОЕ» ВРЕМЯ
В ЭСТЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА
(СОПОСТАВЛЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКИХ СБОРНИКОВ «КАМЕНЬ» И «TRISTIA»)**

Время как круговое движение (день — ночь, времена года, жизнь — смерть, сон — бодрствование и т.п.) определяется как «космическое» (Н. А. Бердяев). Именно в таком виде в основном представлено изменение времени в 1-м сборнике стихотворений О. Мандельштама «Камень». В текстах «Камня» идея прекрасного связана с поэтическим ощущением одновременности существования разных культурно-исторических эпох, что объясняет главенствующую роль в эстетико-концептуальной системе пространственных обра-

зов, пространственной организации текста. Идея времени, таким образом, остается здесь на втором плане.

В отличие от «Камня», сборник «Tristia» содержит стихотворения, непосредственно связанные своей фабулой с историческими событиями (первая мировая война, революция), соответственно идея времени приобретает в нем первоочередное значение. Время заявляет о себе как история, нарушающая гармонию восприятия жизни. Оно приобретает точку отсчета («начало оскорбленной эры», «великий сумеречный год») и из «космического круга» превращается в прямую линию «исторического времени» («время вспахано плугом»), уводящую поэтическое мировоззрение от красоты мира: *В ком сердце есть, тот должен слышать, время, // Как твой корабль ко дну идет... // Не видно солнца, и земля плывет* («Прославим, братья, сумерки свободы...»).

Итак, переход от гармонии к дисгармонии связан с появлением исторического времени, разрывающего целостность бытия, дробящего его на прошлое, настоящее и будущее. В стихотворениях это явление отражается так: «время-время», «конец бессмертия», сначала — «траур воспоминаний», а затем — «беспамятство». По Н. А. Бердяеву, «личность, раненная и поработанная историческим временем, ищет избавления от плена истории переходом в космический план существования». Именно такое преобразование лежит в основе эстетико-концептуальной системы сборника «Tristia», в котором идея космического времени, идея постоянной цикличности жизни как символа возрождения, перевоплощения, бессмертия приобретает высшую эстетическую значимость, с семантикой цикличности и ритмизации жизни, противопоставленной линейному движению истории, связаны многие образы стихотворений «Tristia», каждый из которых по-своему дополняет концепт «красота»: биение *сердца-часов*, сон и бодрствование, *лиры — черепахи*, кипение жизни города как повторяющейся песенки, счастье как *обруч золотой, заколдованный круг*, а также образ познания бытия в стихотворении, давшем название сборнику: *И я люблю обыкновенье пряжи: // Снует челнок, веретено жужжит... // Все было старь, все повторится снова, // И сладок нам лишь узнаванья миг.*

Таким образом, в книге стихов «Tristia» для воплощения идеи прекрасного, трудно достижимого из-за нового знания лирического субъекта о времени историческом, поэту потребовался сознательный переход в «космический план». В соответствии с этим ведущую эстетико-концептуальную функцию здесь выполняют категории времени и временной организации текста.